

С АНГЛИЕЙ ИЛИ ГЕРМАНИЕЙ: ВОПРОСЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА ЗАСЕДАНИЯХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ТРЕТЬЕГО СОЗЫВА В ФЕВРАЛЕ – ДЕКАБРЕ 1908 г.

*Работа представлена кафедрой русской истории.
Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор И. В. Алексеева*

В статье анализируются дискуссии, происходившие в Государственной думе третьего созыва по вопросам внешнеполитической ориентации России в феврале–декабре 1908 г.

The article describes the debates in State Duma of the third convocation on the questions of Russian foreign policy in February-December 1908.

В 1906–1907 гг. в области внешней политики российская дипломатия старалась соблюдать политику «человека на заборе»¹ (возможной осторожности) по отношению к борьбе двух европейских блоков, имевших свои центры в Париже и Берлине, однако к 1908 г. позиция Петербурга становилась уже совсем иной: влияние Парижа и Лондона постепенно сменяло былую роль Берлина в столице на Неве.

Отношения России с Германией вызвали беспокойство в собравшейся в 1908 г. третьей Государственной думе. Следует отметить, что подробное открытое обсуждение вопросов внешней политики впервые состоялось в Государственной думе 27 февраля 1908 г. Показательно, что активная кампания за расширение прав Думы в области внешней политики была начата и в октябристской, и в кадетской прессе². При этом обе партии заверяли правительство в поддержке проводимого им курса внешней политики, называемого «лицом к Европе»³. В особенности вразрез с выступлениями правых прозвучала речь «барда» оппозиции П. Н. Милюкова, который настойчиво рекомендовал МИДу крепить «систему договоров, связывающих Россию с Англией»⁴. Кроме того, на заседании 27 февраля 1908 г. П. Н. Милюков также высказал ряд пожеланий в адрес российского МИДа о необходимости отказаться от повторения

политики реванша и авантюры на Дальнем Востоке⁵.

Следует также отметить, что и в дипломатических кругах, по свидетельству директора Департамента иностранных дел В. Б. Лопухина, все более склонялись к сторонникам англо-французской ориентации⁶.

Заседание 27 февраля было продолжено заседанием 11 марта 1908 г., которое было очень кратким. Примечательно, что как на первом, так и на втором заседании присутствовал министр иностранных дел А. П. Извольский. Обратившись к истории российской дипломатии накануне Русско-японской войны, министр иностранных дел, однако, разразился тирадой в адрес обвинителей-правых: «Так как Россия, с Божьей помощью, не низведена на степень второклассной державы, она настолько же заинтересована в делах Дальнего Востока, насколько Англия и Франция»⁷. Кроме этого, министр иностранных дел коснулся русско-германских взаимоотношений, заявив, что политика России «не имеет острия против Германии»⁸. Надо полагать, что этим высказыванием министр давал понять, что в России отсутствуют какие-либо злые умыслы против Германии. Но ведь при этом освещалась лишь одна сторона русско-германских отношений. Ничего не было сказано о том, как реагировала Гер-

мания на эту самую не имевшую против нее остря русскую политику.

Следует, однако, отметить, что правые думские элементы, напротив, выражали недовольство относительно обсуждения внешней политики России в Думе. Более того, дебаты в Думе обнаружили их принципиальное расхождение по вопросам внешней политики с большинством Думы, а главное – с октябристами и кадетами, составляющими единый лагерь либеральной оппозиции. Думается, не было ничего удивительного в том, что в марте 1908 г. князь В. П. Мещерский в «Гражданине» разразился резкой статьей в адрес думцев, «пустившихся в рассуждения» относительно вопросов внешней политики: «Запросы в этой области могут поднимать ураганы и в России, и за границей. Наши думцы пока не умеют говорить об иностранной политике дипломатическим языком, и Бог знает, когда научатся»⁹.

Вопросы внешней политики встали на обсуждение в Государственной думе 4 апреля 1908 г. по чрезвычайно актуальному для России балканскому вопросу. Именно в 1908–1909 гг. сказались первые ощутимые последствия охлаждения между Россией и Германией в преддверии к Боснийскому кризису, который начался в июне 1908 г. По свидетельству В. Б. Лопухина, «недовольство Германии нами развязывало руки Австро-Венгрии на Балканах»¹⁰. На этом заседании А. П. Извольский осторожно заметил, что «Россия пока еще потрясена беспримерно тяжелою войною и еще более тяжелыми внутренними смутами, нуждаясь в прочном обеспечении от всяких внешних осложнений»¹¹. В заключение всю политику России на Балканах на тот момент министр иностранных дел охарактеризовал как политику «здорового эгоизма»¹². Вместе с тем, однако, дипломатическая компания А. П. Извольского в пользу открытия черноморских проливов окончилась полной неудачей¹³.

На заседании 4 апреля 1908 г. дружным фронтом выступили депутаты правой фракции. В. М. Пуришкевич высказал

убеждение, что политикой России на Балканах на ближайшее время должна стать политика «Царя-Миротворца», т. е. политика невмешательства¹⁴. Правый депутат как будто бы предупреждал о возможной опасности действий со стороны Австро-Венгрии.

А спустя 9 месяцев, 12 декабря 1908 г., В. М. Пуришкевич «разъяснил» думцам, почему Россия уже не может признать аннексию Австрией Боснии и Герцеговины, в противном случае, по мнению лидера правых, это могло бы сослужить ей плохую службу в недалеком будущем: «Признание наше может быть понято в Европе как прецедент. Не сегодня завтра наш старый враг и нынешний друг, и благодетель Англия может сделать то же самое. Мы, признавшие аннексию Боснии и Герцеговины, можем быть, через год должны будем признать аннексию Египта»¹⁵.

Антианглийские выпады правых достигли своего апогея, когда, не стесняясь в выражениях, В. М. Пуришкевич обрушился с гневными репликами в адрес кадетов, прозрачно намекая на сторонника проантантовской ориентации П. Н. Милюкова: «Мы подслуживаем Англии с одной стороны, а с другой – облеклись в тогу кадетского неославизма, благодаря чему Россия находится в настоящую минуту на том пути, с которым каждый шаг может привести к катастрофе»¹⁶.

О том, что Боснийский кризис «раскрыл Европе истинное положение вещей»¹⁷, свидетельствовал и С. Д. Сазонов, вероятнее всего, намекая на позицию Германии, которая первоначально воздерживалась от открытого заявления своей солидарности с Австро-Венгрией.

Отвечая на антианглийские ноты в выступлении правых, лидер партии октябристов А. И. Гучков выразился в том смысле, что его фракция всецело поддерживает проантантовскую позицию, занятую Россией в Боснийском кризисе, иначе говоря, невмешательство: «С чувством глубокого удовлетворения мы услышали, что наши отношения к союзной Франции и дружествен-

ной Англии остались в *прежней* силе, что разрешение балканского кризиса совершилось в полном единомыслии с этими державами»¹⁸.

Вместе с тем, однако, подводя итог прениям в Думе по поводу боснийского вопроса, в частности, и внешней политики, в целом, лидер кадетов П. Н. Милюков выразился весьма оптимистично о сохранении союза России со «странами демократии»: «Мы видим в перемене системы наших союзов переход от прошлого периода, когда у нас была политика *династическая*, к временам истинно *национальной* политики, и мы этот переход горячо приветствуем»¹⁹.

Неудивительно, что российский премьер-министр П. А. Столыпин считал целесообразным проводить тот курс внешней политики, который бы возможно дольше не позволял втягивать неподготовленную Россию в войну, что буквально грозило империи в 1908–1909 гг. Отсюда – неизбежная двойственность этой политики, зигзаги, лавирование: оставаясь в согласии Тройственном (Антанта), Россия пыталась убедить Германию, что ее участие в нем не носит враждебного для Германии характера. Иначе говоря, цель была определена: крепить Антанту и не раздражать чрезвычайно Германию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Соловьев Ю. Я. Воспоминания дипломата 1893–1922. М., 1959. С. 206.

² Новое время. 1908. 4 января; Речь. 1908. 7 января.

³ Поливанов А. А. Мемуары. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. М., 1924. Т. 1. С. 18.

⁴ Государственная Дума III. Стенографические отчеты. Сессия 1. Ч. 2. Заседание 31, 27 февраля 1908. Стлб. 122.

⁵ Там же.

⁶ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. № 765/3. Л. 185.

⁷ Государственная Дума III. Там же. Заседание 36, 11 марта 1908. Стлб. 383.

⁸ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. № 765/3. Л. 193.

⁹ Гражданин. 1908. № 15. С. 12–13.

¹⁰ ОР РНБ. Ф. № 1000. Оп. 2. Д. № 765/3. Л. 189–190.

¹¹ Государственная Дума III. Там же. Заседание 49, 4 апреля 1908. Стлб. 1766.

¹² Там же. Стлб. 1776.

¹³ Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг. Сборник секретных дипломатических документов бывшего императорского русского Министерства иностранных дел. М., 1922. С. 529–530.

¹⁴ Там же. Стлб. 1818–1819.

¹⁵ Государственная Дума III. Стенографические отчеты. Сессия 2. Ч. 1. Заседание 12 декабря 1908 г. Стлб. 2654.

¹⁶ Там же. Стлб. 2657.

¹⁷ Сазонов С. Д. Воспоминания. Paris, 1927. С. 14.

¹⁸ Государственная Дума III. Там же. Заседание 12 декабря 1908 г. Стлб. 2676.

¹⁹ Там же. Стлб. 2677.